

Статистичний опис округів 1–8 Новоросійського військового поселення. 1857 г. // Цубенко В. Л. Документи из історії військових поселень в Україні. Харків : САГА, 2008. С. 145–199.

Статистичний опис 9–12-х округів Новоросійського військового поселення. 1857 г. // Цубенко В. Л. Документи з історії військових поселень в Україні. Харків : САГА, 2008. С. 200–246.

Фабрициус И. Г. Военные поселения // Столетие военного министерства. 1802–1902. В XIII т. Т. VII. Ч. I. Кн. IV. СПб. : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902–1914. С. 493–598.

Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов : Сіверянська думка, 2006.

УДК 930.2

Е. Э. Овчарова

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ ХРАПОВИЦКИХ-СУШКОВЫХ: ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

В статье рассматриваются разные мнения по поводу известного самоубийства писателя, поэта и издателя Михаила Васильевича Сушкова (1775–1792), покончившего с собой в возрасте неполных 17 лет. Предсмертные письма юного гения до сих пор служат источником как исследований по исторической и социальной психологии, так и вызывают непосредственный отклик у авторов, пишущих об истории русской литературы.

Ключевые слова: М. В. Сушков, социальные сценарии, XVIII век

Семья Сушковых-Храповицких-Сердюковых имела довольно большое значение для российской культуры, она была сосредоточением ряда исторических деятелей, известных литераторов, переводчиков и авторов исторических сочинений. В качестве целостного феномена ее можно рассматривать от 1740-х гг. XVIII в., то есть от времени женитьбы Василия Ивановича Храповицкого (1714–1780?), лейб-компанца Елизаветы Петровны на Елене Михайловне Сердюковой, дочери сподвижника Петра I, до 1915-го г., года смерти Лидии Андреевны Ростопчиной, дочери поэтессы, одной из последних членов семьи, кто осознавал свою к ней принадлежность и кто гордился своими предками.

Феномен семьи Сушковых-Храповицких-Сердюковых возник благодаря сочетанию нескольких факторов, прежде всего здесь сыграло роль многолетнее деятельное неутомимое самоотверженное и честное служение нескольких поколений этой семьи. Другим таким важным моментом, выделившим эту семью из ряда прочих, был неординарный художественный дар, хорошо прослеживаемый от Марии Васильевны Сушковой (1752–1803) и ее братьев Александра (1749–1801) и Михаила (1758–1819) до Лидии Андреевны Ростопчиной (1838–1915).

Неустанное служение, недюжинный ум и врожденная обходительность стремительно подняли Михаила Ивановича Сердюкова, крепостного из иногородцев, до уровня ведущего царского сановника, позволили рядовому гвардейцу Василию Ивановичу Храповицкому стать доверенным лицом императрицы Елизаветы и достичь чина генерала-аншефа, а его сыну, Александру Васильевичу, выдвинуться из ряда обычных статс-секретарей в разряд государственных деятелей и стать, более чем на 10 лет, одним из наиболее доверенных лиц императрицы Екатерины II. Близость к царственным особам открывала перед этими умными, энергичными и обходительными, хотя не очень богатыми людьми блестящие перспективы, оставшиеся, надо сказать, неиспользованными в силу многих причин. В частности, в силу того, что потомство как Василия Михайловича Храповицкого, так и Михаила Сердюкова не обладало ни энергией, ни умением ладить с начальством, ни финансовыми и организационными талантами, ни целеустремленностью своих предков. Также здесь сыграл свою роль и ряд скандальных происшествий в этой семье.

Самым значительным случаем такого рода стало обсуждающееся до сих пор самоубийство в возрасте 16-ти лет сына Марии Васильевны Сушковой – поэта, писателя и философа Михаила Васильевича Сушкова (1775–1792). Об этом происшествии осталось довольно много документальных свидетельств, в частности, известны списки четырех предсмертных писем Михаила.

Имя Михаила Сушкова с конца XVIII в. оставалось в забвении – до тех пор, пока известный российский и советский литературовед В. М. Жирмунский в 1934 г. не посвятил основному произведению Сушкова, повести «Российский Вертер» [Коровин, 1990] свое, как всегда, объемное и проникновенное исследование [Жирмунский, 1934]. В советское время эта повесть публиковалась дважды [Коровин, 1990; Орлов, 1979] в сборниках русской прозы XVIII века.

Михаил Васильевич Сушков был старшим сыном в семье Марии Васильевны Сушковой и Василия Михайловича Сушкова (первой была дочь Анна, всего детей было 11). Василий Михайлович закончил свою карьеру в качестве симбирского губернатора. Мать, Мария Сушкова, известный в XVIII в. переводчик и литератор, занималась сочинением разного рода прозаических и поэтических произведений, в частности, пьес и принимала участие в литературной жизни; какой-то период она принадлежала к кругу Новикова. Список ее печатных работ весьма обширен: здесь и стихи, и пьесы, и очерки нравов, и знаменитые переводы. Мария Васильевна была фрейлиной при дворе Екатерины II, но не могла там сравниться со значением своего брата, Александра Васильевича Храповицкого, который около 10 лет являлся одним из самых влиятельных персон при дворе Екатерины II.

Михаил Сушков не был обычным подростком XVIII в., смирно выполняющим родительские и общественные установления. Формирование его личности проходило в соприкосновении с европейской культурой, что явилось причиной развития в его характере крайнего индивидуализма. Михаил унаследовал от матери незаурядный литературный талант. Благодаря Марии Васильевне, а также, думается, своим дядьям, Александру Васильевичу и Михаилу Васильевичу Храповицким, Михаил Сушков был в самом центре интеллектуальной жизни эпохи.

Летом 1792 г. Михаил должен был поступить служить в гвардию, однако перед самым поступлением он покончил с собой. Приехав в Москву и уединившись в доме своей тетки, весь день перед своей смертью он писал письма – двум своим дядьям Храповицким, брату своей предполагаемой пассии Натальи Хитрово – Николаю Федоровичу Хитрово и мужу своей двоюродной сестры Никите Петровичу Хитрово. Письма эти сохранились в копиях Управы благочиния. Местонахождение оригиналов пока неизвестно, кроме автографа письма А. В. Храповицкому, находящегося в РГБ среди документов архива сподвижника Екатерины II [Фраанье, 1995].

Как сообщил императрице «июля 19 дня 1792 года» князь А. А. Прозоровский, в то время главнокомандующий Москвы: «Управа благочиния при следствии сего происшествия забрала письма, писанные им накануне, в которых, как он описывает причины сего поступка к Михаиле Васильевичу Храповицкому, брату родному Действительного Статского Советника Храповицкого, как он племянник родной вышеписанного» [Фраанье, 1995, с. 156].

В связи с находкой в московских архивах новых материалов в сборнике «XVIII век» №19 за 1995 г. была опубликована обширная работа известного голландского русиста М. Г. Фраанье [Фраанье, 1995], посвященная как Михаилу Сушкову, так и проблеме самоубийства в русской культуре XVIII в. В статье М. Г. Фраанье были впервые опубликованы тексты четырех предсмертных писем Михаила Сушкова (на языке оригинала – французском, с русским переводом). Надо заметить, что одно из писем было известно и прежде, с него были сделаны рукописные списки, не менее 5 из которых хранятся сейчас в российских архивах [Фраанье, 1995, с. 153].

Первым человеком, ознакомившимся с письмами, был князь Александр Александрович Прозоровский, в то время главнокомандующий Москвы, человек умный, деятельный и резкий, он же стал автором первого отзыва на этот своеобразный литературный памятник: «... я с письма к нему всеподданнейше прилагаю к Вашему Императорскому Величеству копию, из которого Всемиловейшая Государыня! усмотреть изволите образ развратного суждения и беззакония, видно, что он воспитан был как либо развратным французом, как правил прямых человека в нем заложено не было» [Цит. по: Фраанье, 1995, с. 156].

Дядя Михаила, Александр Васильевич Храповицкий, получив известие о смерти племянника, сказался больным, никаких заметок о произошедшей трагедии не оставил, затем записал в своих записках о реакции императрицы, которая ознакомилась с письмами Михаила и другими материалами: «Буде верить словам Попова, то сказано: вот какое воспитание! не вкоренен закон христианский» (Василий Степанович Попов, другой статс-секретарь, замечен в данном случае Храповицкого). Однако было еще и другое высказывание Екатерины II о М. В. Сушкове. В воспоминаниях Николая Васильевича Сушкова, младшего брата Михаила, известного в XIX в. литератора, указывается на ее мнение о Михаиле, которое она сообщила А. В. Храповицкому при первой встрече с ним после его болезни: «Жалею об отце и матери, которые потеряли такого сына. Но еще больше жаль его самого. Если бы он остался жив, то мы скоро бы забыли о Вольтере». Таково было ее резюме после ознакомления с бумагами юного автора [Цит. по: Фраанье, 1995, с. 157].

Фраанье отмечает, что сам А. В. Храповицкий не высказал никакого мнения о смерти своего любимого племянника, а также, что неизвестна и реакция Михаила Васильевича Храповицкого, наиболее близкого М. В. Сушкову человека, в письме которому подросток постарался как можно более полно объяснить причины своего поступка. В дневнике М. В. Храповицкого за это время (30 июля 1792 г.) можно найти только обычные для его автора отвлеченные размышления.

Николай Николаевич Бантыш-Каменский, известный историк, археограф и издатель, человек крайне консервативных взглядов, оставил чрезвычайно негативную оценку личности М. В. Сушкова. Он писал из Москвы своему корреспонденту князю А. Б. Куракину 8 сентября 1792 г., т. е. вскоре после смерти М. В. Сушкова, включая это событие в общую безрадостную характеристику общего состояния умов, как во Франции, так и в своем отечестве: «Что это во Франции? Может ли просвещение довести человека в такую темноту и заблуждение! Злодейство в совершенстве. Пример сей да послужит всем, отвергающим веру и начальство. Говоря о чужих, скажу слово и о своем уроде Сушкове, который Иудину облобызал участь. Прочтите его письмо: сколько тут ругательств Творцу! Сколько надменности и тщеславия о себе! Такова большая часть наших молодцов, пылких умами и не ведущих ни законы, ни веры своей» [Цит. по: Фраанье, 1995, с. 158].

Как сообщает Фраанье, возможным откликом на самоубийство Сушкова была публикация Иринарха Ивановича Завалишина (подписывавшегося в данном случае инициалами И. З., соратника А. В. Суворова, поэта, автора многочисленных од и поэм о победах России, а также прозаических произведений), «Письмо к издателям Новых ежемесячных сочинений» в ноябрьском номере этого журнала за 1794 г. В письме рассказывается о якобы попавшем в руки автора письма самоубийцы, которое весьма сходно с концептуальным

письмом М. В. Сушкова к М. В. Храповицкому, и дается обширный комментарий по этому поводу, где представляется общественное мнение. Автор ищет причины поступка в дурном воспитании, распущенности и заблуждениях рассудка [Фраанье, 1995, с. 159].

Один из немногих сочувственных откликов на поступок Сушкова принадлежит князю Григорию Александровичу Хованскому поэту и переводчику, почтившему Михаила Сушкова эпитафией в духе сентиментализма [Фраанье, 1995, с. 159].

Фраанье считает, что образцом его реального поведения Михаила Сушкова служил не Вертер, а Катон. В письме к М. В. Храповицкому М. В. Сушков просил решительно не посчитать его «обезьяною Вертера, а еще менее безумным», чем он старался предотвратить истолкование своего поступка как подражание Вертеру: «Сушков хочет представить свой поступок хорошо обдуманым шагом, итогом рациональных, бесстрастных рассуждений <...> Образ Катона, введенный в повесть "Российский Вертер", изменяет образ самого ее героя. В рамках повести слова Катона – это в то же время слова "российского Вертера"; их образы сливаются. При этом "российский Вертер" присваивает важность, театральное величие Катона. Такое театральное величие присваивает себе и сам Сушков. Как тот, включая в свой текст другие тексты, расширяет и увеличивает значение всего в нем происходящего, так и этот, приравнивая свою судьбу к судьбам литературных или исторических героев, хочет увеличить значение собственных поступков... Подобная театрализация личной судьбы у людей конца XVIII — начала XIX в. описана Ю. М. Лотманом в его статьях о "программах бытового поведения"» [Фраанье, 157–163].

Для конца XVIII в. был актуален сценарий «бытового вертеризма, но Фраанье считает поступок М. В. Сушкова реализацией другого сценария, восходящему к стоическому поведению Брута, Тразея, Сенеки и, прежде всего, Катона Утического.

Как уже отмечалось, самоубийство Михаила Сушкова до сих пор является предметом интереса не только некоторых исследователей XVIII в. и социальных сценариев, но и получает даже непосредственные отклики, подобные вышеприведенным откликам современников, взволнованным как вызовом этого юноши всему общественному укладу, так и безвременной гибелью юного гения. Так в книге В. Н. Еремина «Тайны смерти русских писателей» (2011), сопровождавшейся заметной рекламной компанией в Интернете, где Блаватская, с легкой руки автора, становится потомком Василия Ивановича Храповицкого и Елены Михайловны Сердюковой, а значит, по популярной легенде, и Петра I, а юный интеллектуал, энциклопедист и не очень богатый человек Михаил Сушков (после него осталось 35 рублей и еще 100 отдал в счет своего долга), именуется автором *недорослем, возмнившим себя Вольтером* [Еремин, 2011, с. 5], и причисляется к развращенной вседозволенностью «золотой молодежи» – в силу упомянутой включенности М. В. Сушкова

в интеллектуальную элиту эпохи и его приятельских отношений с известными позднее своей жестокостью братом и сестрой Хитрово; на недопустимое их отношение к своим крестьянам уже в 1794 г. обратила внимание Екатерина II. Любопытно отметить, что мнение В. Еремина является своего рода развернутой характеристикой упомянутой выше оценки Н. Н. Бантыш-Каменского, несмотря на их совершенно разное отношение к изучаемому материалу.

Надо сказать, что в предсмертных письмах Михаила Сушкова нет ничего, что свидетельствовало бы о минутном порыве, отчаянии, в них нет никаких признаков безумия или навязчивых идей. Из содержания письма М. В. Храповицкому и Н. Ф. Хитрово ясно, что Михаил не был угрюмым и нелюдимым человеком, у него не было никаких проблем с общением. В отношении самоубийства Михаила Сушкова М. Г. Фраанье, увлеченный исследованиями социальных сценариев, не уделяет достаточно внимания двум весьма значимым факторам: во-первых, *возрасту* Михаила Сушкова, а также тому, что он покончил с собой *накануне поступления в гвардию*. Представляется, что именно последнее явилось той причиной, из-за которой и стали необходимы столь решительные действия. Михаил Сушков хотел быть хозяином своей судьбы и не видел никакой другой возможности для этого, кроме как уйти из жизни. К тому же, его необычайно интенсивная духовная и эмоциональная жизнь внушила ему опасную иллюзию, что он уже все испытал в жизни, а дальнейшее будет лишь унылым повторением. Самоубийство Михаила Сушкова было не столько реализацией общих тенденций развития общества и культурных сценариев, сколько бедой семьи, сохранившей слишком многое из старых устоев, чтобы было разумным давать детям новое воспитание с европейским уклоном. Из предсмертных писем Михаила видна его крайняя обособленность от окружающих. Очевидно, что в силу юного возраста и не по годам развитого ума и воображения Михаил Сушков совершенно не имел близких друзей. С родителями – можно достаточно уверенно утверждать это – у него не было доверительных отношений, да и такое нечасто случалось в те времена; отношения родители-дети были достаточно регламентированы, как, впрочем, и многие другие. Интересно, что среди адресатов писем отсутствует Мария Васильевна Сушкова. О ней также нигде в письмах не упомянуто. О причинах этого можно только гадать.

У Михаила Сушкова не было никаких авторитетов, кроме него самого. Он самостоятельно принимал решения по всем важным для него вопросам. Но ему было всего шестнадцать лет, и, получив домашнее воспитание, он никак не мог быть по-настоящему взрослым, он им только казался. Такой подросток требовал особого внимания, но не было совершенно никого, кто бы оказался на это способным. Представляется, что роковое влияние знаменитого романа Гете, послужившего в те времена поводом ко многим самоубий-

ствам молодых людей, а также жизненного сценария Катона Утического сыграли здесь не самую главную роль. Вполне возможно, что определяющим было нежелание поступать на службу и, по сути, отказываться от самостоятельного развития своей личности, полностью подчинить свои интересы требованиям общества.

Список литературы

- Еремин В. Н. Тайны смерти русских писателей. М. : Вече, 2011.
- Жирмунский В. М. Российский Вертер // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. С. 547–566.
- Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / Сост. В. И. Коровина. М.: Современник, 1990.
- Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М. : В/О Союзтеатр, Главная редакция театральной литературы, 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.).
- Сентиментальная повесть / Сост. П. А. Орлова. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Фраанье М. Г. Прощальные письма М. В. Сушкова (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) // XVIII век. Сборник 19. М. : Наука, 1995. С. 147–167.

УДК 94(47).084

М. В. Попов, М. В. Суворов

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ ЧИНОВНИКОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1930-х гг.

Открытие для исследователей фондов Государственного архива административных органов Свердловской области позволило историкам на основе следственных дел незаконно репрессированных в конце 1930-х гг. расширить источниковую базу для написания своих трудов. Однако информация, полученная из материалов сталинских следователей не является в значительной степени достоверной в силу уже доказанной сфальсифицированности обвинений подследственных. Поэтому для выявления истинной картины происходивших на Урале событий, роли в них чиновников регионального масштаба, изучения судеб руководителей областных ведомств большое значение имеют ставшие доступными личные дела коммунистов, хранящиеся в фондах ЦДООСО.

В данной публикации, как весьма типичные для изучения репрессий в отношении партийно-советских чиновников на Урале в конце 1930-х гг. представлены подготовленные партийными функционерами личные дела начальника Свердловского областного управления связи И. М. Щербака и заведующего Свердловским областным отделом народного образования И. А. Переля.

Ключевые слова: кадровая политика советского государства в 1930-е гг., репрессии против советских чиновников, личные дела руководителей региональных ведомств на Урале, ЦДООСО, исторический источник, судьба и партийная реабилитация жертв сталинских репрессий в партийных документах.

Партийное расследование дела И. М. Щербака проходило в 1936 – 1937 гг. и было связано с обвинениями в сокрытии своего социального происхождения во время партчисток и обмена партийных документов, а также в